

ДО ЧЕЛОВЕКА И ОБРАТНО

Наш собеседник **Валентина Васильевна Бибикова**

В. В. Бибикова: – Наследие А. С. Макаренко актуальным быть никогда не переставало. Лучшими педагогами двадцатого столетия названы четыре педагога: немец *Георг Кершенштейнер*, итальянка *Мария Монтессори*, американец *Джон Дьюи* и советский педагог *Антон Макаренко*. К сожалению, проблема воспитания сегодня ушла даже не на второй план, хотя летом этого года правительством принята «Стратегия развития воспитания». Когда говорят, мы в экспериментальном режиме в нескольких школах разрабатываем некую воспитательную модель, я считаю, что это лукавство, поскольку воспитание – это непрерывный процесс. И он не может быть выработан за счёт отдельной модели в отдельной школе. Воспитывают среда, семья, общение со сверстниками, социальные сети – всё играет роль, нет перерывов в воспитании, вне

зависимости того, разработана какая-то модель или нет. Не зря раньше говорили: *«Пока ребёнок поперёк лавки лежит, в это время и воспитывай»*.

Могу сказать одно: когда читаешь Макаренко, не устаёшь удивляться современности его высказываний относительно доктрины официальной педагогики того времени. Если сравнивать его оценку тогдашних реформаторских течений и сегодня существующих, то их актуальность не пропала. Например, в 1923 году он пишет: *«Был на одном педагогическом заседании, поражаюсь множеству страшных терминов. Иногда я падаю духом и глубоко презираю себя за подобную научную невосприимчивость, иногда же протестую всеми фибрами души. Я до сих пор не смог заставить себя поддаться их обязанности»*. Словесная шелуха, которая навязывается более чем 20 лет нашей официальной педагогической наукой и переносится в нашу педагогическую практику, просто выбивает людей из колеи. Вспоминаю, как сама впервые приехала на совещание начальников ОНО. Проводился некий тренинг, моделировались теоретические предпосылки педагогических изменений – и вставали модераторы в разных концах зала, и говорили такие термины, которые были мне лично непонятны, и мне не стыдно в этом признаться.

Корр. Юрий Чигишев: – **А Макаренко было стыдно. Иногда...**

– Мне это напоминало древнегреческий миф. Когда гремел гром и сверкали молнии в небесах, греки со своим языческим мировосприятием считали, что это боги на Олимпе ссорятся, им, небожителям, это можно, а здесь, на земле, простые люди должны им внимать и не гневить богов. И вот эти модераторы бросались терминами, которые, в общем-то, не имели особого смысла даже для

говорящих, а им внимала задавленная этой «особой» учёностью «посвящённых» публика. Эта псевдонаучная терминология только дезориентирует практических работников и вводит их в ступор. Можно со мной не соглашаться, но результаты наших школьников говорят об эффектах проводимых изменений. И Макаренко имел мужество в то время публично не соглашаться, настаивать на своей точке зрения. Боролся в то время и с педологами.

– Можно вопрос по ходу: в «Педагогической поэме» я так и не понял термин «педология». Понял, что плохо, но что это?»

– Педолого-педагогическая концепция утверждает первенство «свободного развития» личности, заложенной в её природе программой. В этой системе за основу берётся физиологическое развитие ребёнка. Педология доминировала до 1932 года, до известного постановления ЦК ВКП(б), где было сказано о «педологических извращениях», и педологическая практика прекратилась.

Макаренко, например, в одном из писем Горькому пишет: «Мы остались без определённой системы, строгой линии, без какого-либо воспитания, наши педагоги не знают, что им делать и как держать себя. А наши воспитанники просто живут в наших детских домах, то есть едят, спят и кое-как убирают после себя». Разве это не актуально, не современно сегодня, когда мы вводим ювенальную юстицию, которая основной своей целью считает соблюдение «прав» ребёнка? Но права ребёнка ювенальная юстиция рассматривает прежде всего как выполнение определённых материальных и правовых аспектов, и поэтому дети, выходящие из детских домов, хорошо знают

свои права, умеют предъявлять требования обществу и государству, но они совершенно не готовы к преодолению трудностей, к жизни, к работе.

Летом в крае прошёл ряд круглых столов, на которых была высказана озабоченность, что выпускники детских домов не хотят устраиваться на работу, хотят жить на пособие и рассчитывают только на государственную помощь и поддержку. А.С. Макаренко в 1920 году набрал первых воспитанников. Не нужно объяснять, какое это было время. Как он говорил, привозили ребят в колонию в чёрной карете люди с револьверами, а в колониях не было ни милиционеров, ни заборов. Это были совершенно открытые учреждения, они не входили в систему НКВД, а были в ведении Народного комиссариата просвещения, поэтому не могли быть режимными объектами. После Октября 1917 года были упразднены тюрьмы и суды для несовершеннолетних до 18 лет; главное, не кара, наказание, а воспитание и перевоспитание. Тем самым признавалось, что ответственность за преступность несёт не только отдельный человек, но и общество в целом. Он писал о том, что воспитанники совершенно неграмотны, не хотели учиться. Даже те, кто занимался спекуляцией, не умели считать – видите, как он высоко оценивал спекулянтов, считал, что это занятие требует знаний арифметики. Но при этом беспризорники объехали пол-страны, они побывали на всех фронтах и имели богатый жизненный опыт. В основном отрицательный. Они считали, что «дураков работа любит, и на их век дураков хватит».

Но прошло время, весьма, кстати, непродолжительное, и они все трудятся, уважают этот труд и презирают дармоедов. Охрану и обеспечение прав ребёнка он воспринимал как подготовку к жизни.

В. В. Бибилова: – Это единственное надёжное вложение: выйдя из колонии, юноша или девушка имели квалификацию, навык, устойчивое стремление себя обеспечивать. Вот в этом глобальная разница между подходами ювенальной юстиции и макаренковской системой. Или, например, как была решена проблема образования в отдельно взятой колонии? Не хотели они учиться. Первые два года в колонии даже не было школы, потому что посадить за парту этих великовозрастных даже не подростков, а юношей даже теоретически не представлялось возможным.

Поэтому они проводили комплексные занятия.

Главное было, по его словам, почувствовать их интерес. Напишите на бумажке, что вас интересует. Они писали, например, Пушкин, Бельгия, навоз. И они всерьёз и глубоко каждую тему обсуждали. Навоз? И агрономы, и учителя вместе с воспитанниками готовили доклады, черпали знания из химии и биологии. Если Пушкин, – вся колония учила стихи А.С. Пушкина, ставила спектакли, оркестр играл отрывки из опер по произведениям Пушкина, издавали рукописный журнал, устраивали суд над Онегиным. То есть у него была такая система. Но уже в 1924-м он открывает школу, шесть человек отправляет на рабфак в Харьков и говорит о том, что отправка на рабфак оказала очень позитивное влияние на остальных колонистов. Они поняли, что они не отбросы общества. Их место не на дне жизни, они могут продвигаться.

Юрий Чигишев: – **Надо сказать, тогда рабфак воспринимался не так, как сейчас. Это была нижняя ступень очень высшего образования. Только гении могли туда поступить...**

– Да, довольно серьёзный уровень требовался. А в 1927 году в колонии вводится девятилетнее обязательное образование. В это время в стране только принимается постановление о введении всеобщего начального обучения. Учтите, что всеобщим начальным обучением не были охвачены до войны многие дети, поскольку не хватало школ, не хватало учителей. Он считал, что среднее образование спасает от рецидивов. Позднее, возглавив колонию имени Дзержинского, он открывает рабфак, техникум, абсолютное большинство его выпускников поступает в вузы. Вот это действительная ЗАБОТА О БУДУЩЕМ, вот это СОБЛЮДЕНИЕ ПРАВ РЕБЁНКА. Когда сегодня дети не заканчивают среднюю школу, можно ли говорить о том, что государство выполняет свою функцию защиты прав ребёнка на будущее? Я вам настоятельно советую – посетите одиннадцатые классы в наших школах. Одна треть мальчиков, две трети девочек. Мальчики покидают школу после девятого класса – боятся ЕГЭ. Но на перспективу-то это что такое? У девочек больше возможностей получить высшее образование, происходит феминизация, которая на перспективу закладывает социальную бомбу. У нас будут неравные браки, у нас будет ещё больше одиноких людей и демографическая проблема будет усугубляться.

Между прочим, впервые в истории России феминизация школы произошла во время войны. В 1943 году был введено раздельное обучение в

городах, появились мужские и женские школы. Так вот в Красноярске женских школ было в два раза больше, чем мужских. До войны же девочек училось меньше, особенно в двадцатые годы, и борьба шла, чтобы девочку вовлечь в школу. А у нас что сейчас, война?

– Миром я бы нынешнее состояние тоже не назвал.

– Тем не менее после войны были приняты меры, в том числе массовое вовлечение рабочей молодёжи в вечерние школы, чтобы мужское население интеллектуально поднять, двинуть и в науку, и в производство, это же мощный интеллектуальный ресурс.

– Так это ответ на вопрос, почему сейчас так происходит? Повышение интеллектуального уровня населения усложняет управляемость. Снижение – повышает. Поднимем уровень мужчин – куда вы их двинете? Прямая угроза режиму.

– Это выгодно режиму до поры, до времени. Сегодня режим сталкивается с тем, что старое поколение конструкторов, технологов, рабочих уходит, а замены им не предвидится. То, что мы видим на военных парадах – это ещё советские разработки, не надо иллюзий. Советские архивы тряхнули, пытаются что-то делать. Но мы же видим, что эти судорожные телодвижения по поводу внезапных проверок и массовых военных учений производятся скорее в рекламных целях. Даже не для устрашения, поскольку США реально знают состояние наших Вооружённых Сил, так же, как и состояние экономики. Самолёты, ракеты падают с завидным постоянством как результат низкой квалификации работников всех уровней. Конечно, управленческий аспект очень важен. Возвращаясь к образованию, сегодня не только руководители школ, учителя, даже воспитатели детских садов говорят, что детьми заниматься некогда, пишем отчёты.

Это созвучно тому, что говорил А. Макаренко: *«В управлениях люди зарылись в материальные планы, в статистику, в отчёты, вместо воспитательной системы есть несколько лозунгов, к этим лозунгам пристроились несколько десятков бесталанных людей, а то и просто спекулянтов, которые вот уже несколько лет размазывают словесную кашу в книгах, брошюрах, и непосредственно смертному представляются учёными. Гастев называет всю педагогику «собранием предрассудков».* Знаменитый Гастев – один из основоположников советской системы профобразования. Он написал замечательную работу

«Воспитание культуры», был одним из тех, кто стоял у истоков создания системы производственного обучения. Сегодня, когда встречаешься с управленцами, та же самая картина – им некогда ходить по урокам, им нужно писать планы, отчёты. А Антон Семёнович противопоставлял им конкретную работу.

– Не могу не вступить за нынешних управленцев от образования. По каким параметрам они должны обучать и формировать людей? Макаренко имел очень точное и конкретное представление, какого сорта люди нужны стране. Помните, там персонаж есть, с которым он отчаялся: «Если бы слесарю поручили делать вёдра из картофельных очисток – смог бы?». То есть подход абсолютно конкретный, с ясными критериями и, следовательно, способами формирования требуемых качеств. Завод, да, технократический подход. Сейчас система образования должна формировать кого? Кто требуется обществу, да у нас нет даже определения, а мы кто, собственно, как общество – недоамерика, средневековая Русь? Если учитель честен, он невольно впадёт в противоречие: если я воспитаю хороших честных людей, они не выживут. Для выживания требуются подлецы со знанием арифметики на уровне пользователя. И это же относится к родителям. Арифметика плюс подлость жизни – основа успешности...

– Вы довольно пессимистичны. Между тем Антон Семёнович тоже размышлял о различных предлагаемых «формулах» воспитания и приходил к выводу, что *«новое воспитание возможно, ... если подойти к делу с простым здравым смыслом»*. Безусловно, управленцы, учителя – заложники системы. При декларировании демократических лозунгов проводится жёсткое административное давление из центра на местные органы управления, краевые структуры с тем, чтобы эта самая политика дезориентации проводилась жёстко и повсеместно. Ориентиров действительно нет. Сейчас перестали активно употреблять слово «толерантность». Оно пришло с Запада, туда же и ушло, когда Меркель признала, что концепция мультикультурализма провалилась. Зато появилась «российская гражданская идентичность» во всех документах. Что это такое, вы понимаете? Не бывает теории патриотизма, только практика.

– О роли личности в педагогике и истории. С одной стороны, опыт Макаренко, то есть практического воспитания человека

высоких кондиций, был реализован в целом в стране – и в образовании, и в экономике, и в идеологии. Но до этого он по сути в одиночку бился с системой, как тогда это называли социалистическое воспитание. И он победил.

– Хотя он писал, что приезд любой комиссии – это генеральное сражение, я не соглашусь, что бился в одишчку. Его ведь очень многие, в том числе в Наркомпросе Украины, и в управленческих структурах государства поддерживали. Надо понимать, что без поддержки он бы не смог работать. Поддержка Горького очень много стоила. Особенно при издании «Педагогической поэмы». В 1923 году, к примеру, колония становится опытно-показательным учреждением Украинского НКП, финансируется не из местного, а из республиканского бюджета.

– Просто сейчас все учителя делают то, что противно их знаниям, принципам и убеждениям, «потому что система». Осмелюсь предположить, что система при Макаренко была несколько жёстче, и вопрос «жить как-то надо» был вполне конкретным. Он находил силы и возможности отстаивать. То, что его система совпадала и совпала с общей идеологией страны – он на несколько лет опережал, потому что страна в дальнейшем выполняла ту же роль, что и его колония, – создание нового человека.

Да, сейчас тоже есть люди, которые делают дело, а не только то, что «противно их знаниям». Поколение 20-х годов, как в одном фильме было сказано, «обгоняло время». Что Макаренко мог противопоставить комиссиям, противникам и скептикам его методик? Только результаты. Он писал: «Пафос устремления к будущему совершенно покрыл все отражения ушедших бед». Комиссия приезжала, писала, например, «самоуправление не на уровне представительства», нет самоорганизации. А он сам принцип самоорганизации подвергал сомнению. У него была община, где учителя, воспитатели жили и работали вместе с детьми, ели из одного котла, и он в том числе. Воспитанники вместе со взрослыми решали, во сколько подниматься, во сколько идти на поля, какая норма выработки, купить штаны или инструменты для духового оркестра. Они все вместе решали, а не «представители» за них. Была сформирована единая система административного управления и самоуправления, основанная на принципе взаимосвязанных полномочий. И вы знаете, в этих заключениях комиссий признавалось: таких колоний, как у Макаренко, на Украине мало. Или нет вообще.

Они не могли не замечать, что в колонии порядок, дети накормленные, чистые, они учатся, работают. В колонии имени Дзержинского воспитанники вообще через два года перешли на стопроцентную самокупаемость, ни рубля не брали из государственного бюджета. Не считаться с этим было невозможно. Колония имени Дзержинского уже не была в ведении Наркомпроса, она была в ведении чекистов, о которых Макаренко отзывался очень высоко. Украинские чекисты построили колонию к 10-летию ВЧК на свои деньги, отчисляя по полтора процента с зарплаты. И когда Макаренко приехал туда, увидел паркет, шикарные корпуса, дубовые панели, он не мог не сравнивать с теми развалинами, в которых начиналась колония им. Горького – выбитые стёкла, ни одной кровати. «*Хлопцы голые, клячи дохлые*». Не было керосина, чтобы осветить помещения, не было стекла, чтобы вставить окна. В 30-е годы он писал: «*Не надо, чтобы колония боролась за существование, надо создавать нормальные условия для детей. Чтобы кровати были, хорошая еда, постельные принадлежности*». И хотя колонисты по четыре часа работали на заводе, он полагал, что и два часа достаточно. Потому что сам по себе труд нейтрален, нужно, чтобы он преследовал педагогические цели. Что за ним было? Результаты работы. Он с чего начал – это же была колония морально дефективных, как это называлось тогда, то есть малолетних преступников. Он начал бороться за изменение названия колонии.

Вот мы говорим о целях. С горьковского «Дна» до горьковского же: «Человек – это звучит гордо». В колонии имени Горького слово «преступник» было запретным. Через некоторое время он писал, что колонисты гордятся тем, что они колонисты. Туда стремились дети из семей, в колонии имени Дзержинского почти половина были дети из семей.

– Ну, слово КОЛОНИЯ не несёт негативной окраски. Место проживания группы людей...

– Да, так и было. Макаренко как педагог рос вместе с колонией. Он писал: «*Работа для меня как хлороформ, работаю до полуночи, как маховик. Шесть лет не был в отпуске*».

Когда предлагают поехать на год за границу, он отказывается: «*Как я брошу колонию? Если я год просижу за границей, я стану таким же педагогическим шарлатаном, какие к нам приезжают с комиссиями*». Кстати, попытки копирования западной модели

образования были и тогда, и он видел это. Новая советская система образования была очень восприимчива к западным моделям, и идея трудовой школы, и дальтон-план, и метод проектов – это было заимствовано с Запада. И только в 1932 году все перешли на классно-урочную систему. Потому что в условиях индустриализации возникла необходимость в глубоких и прочных знаниях.

– Вот это и есть социальный заказ. Но давайте к истокам вернёмся. Да, должны быть обеспечены дети. Но стал бы Макаренко и его колония теми, кем стали, не будь опыта совместного выживания в жестоких условиях? В принципе была реализована утопия: группа малолетних преступников становится коллективом людей высшей пробы, хаос и разруха сменяются процветанием и даже богатством... И этот темп, ритм колонии, когда ты видишь, как окружающее меняется в лучшую сторону, потому что ты делаешь это – вот что важно. Сегодня лучше, чем вчера. И эта поступательность многих впечатляла.

– Правильно подметили, он сам отвечал на этот вопрос – путь не замысловат, это путь прогрессирующей общины. Понимаете, прогрессирующая община. Уже это словосочетание обозначает – каждый день нужно добиваться чего-то нового, нового успеха. И он соразмерял прогресс своей общины с общим темпом развития страны. Вот мы говорим – импортозамещение. Я гляжу на Красноярск: а что у нас импортозаместилось? Миллионный и когда-то индустриальный город. А они занимались реальным импортозамещением. Завод электрических дреелей построили – в Советском Союзе не было такого производства. Они купили оборудование и стали выпускать эту продукцию.

– Прошу отметить – колония малолетних преступников. Не инициативная молодёжь, не молодая гвардия единой России...

– Именно малолетние преступники. Они купили в Германии оборудование для производства фотоаппаратов ФЭД, знаменитых «леек». И на Парижской выставке СССР показывал эти фотоаппараты. Напротив советского павильона был германский. Германия – признанный мировой авторитет в производстве оптических приборов. Так оптика наших «леек» была признана лучшей, чем у немецких аппаратов. Вот это было импортозамещение.

– Представьте пиаровский эффект: если такое могут делать малолетние преступники, что могут взрослые и добропорядочные люди?

– Вот вы всё – преступники. А Макаренко

говорил: «Преступники эти – довольно сносные ребята». Для Макаренко всё же важнее был эффект педагогический. Он писал: *«То, что мы производим такую продукцию, вдохновляюще действует на моих воспитанников»*. А как это ещё могло действовать? *«Мой труд вливается в труд моей республики»*. Это было реальным вкладом в общую поступь страны.

– Метод появился раньше, но после войны разве не он был использован? Да, невыносимо много работали, но каждый день что-то менялось к лучшему. Отменяли карточки, снижали цены. Хлеб бесплатный в столовых... Ты соотносишь собственные усилия с изменениями в окружающем мире.

– Вы правы, люди верили, что будет лучше. Я как-то была в Дивногорске на Дне города. На набережной каждое предприятие, учреждение сделало свою выставку. Дивногорский музей сделал удивительную презентацию. Они увеличили фотографию митинга в честь открытия Красноярской ГЭС. Были хорошо видны лица рабочих, специалистов. Люди подходили, рассматривали фотографии, находили знакомых. Даже плакали. Строители на митинге были в рабочих спецовках, в платках, в кепках, фуфайках. Они пришли бригадами на это торжество, вся площадь была запружена. И я подумала: если мы наденем на этих людей современную одежду, они всё равно на нас не будут похожи. Потому что у них были особенные лица – преисполненные достоинства. Они понимали, что сделали большое, великое дело. Кусочек трибуны был виден, и руководители мало чем отличались по одежде от рабочих. В этом же музее хранится пальто с каракулевым воротником, вытертое всё. Но вернёмся к Макаренко: он же работал на личность. Знаменитое его выражение: *«Как можно больше требований к воспитаннику, как можно больше уважения к нему»*. Этим определялось всё.

– Так с чего мы начали – с ювенального права? А права должны непременно сопрягаться с обязанностями. Конечно, у тебя могут быть абсолютные права, но тогда ты должен быть слепоглухонемым идиотом.

Макаренко объяснял колонистам, что такое свобода. Говорил им: «Свобода – это ваше спокойное движение по Невскому проспекту или по Тверской. Когда вы уверены, что трамвай идёт по рельсам, авто

мобили или рысаки держатся правой стороны, а семиэтажные дома выстроены по строительным законам и не обрушатся на вашу голову».

– Свобода – то пространство, которое тебе необходимо для выполнения твоих обязанностей. Вот что такое свобода для человека. Не бывает абстрактной потребности в свободе. Если она возникает внутри, – это твоя личная частная несвобода, и общество ничего с этим сделать не может.

– Наверное, Макаренко помогало осознание необходимости выполнения возложенных на него обязанностей, в том числе перед самим собой. Перед уходом в колонию имени Дзержинского он разработал два документа: Конституцию колонии и Операционный план, отдал их на экспертизу в Наркомпротос Украины. Эти два документа подверглись оглушительной критике со стороны Наркомпроса и профильного научно-исследовательского института.

Например, написали такое замечание: «Советская педагогика строится на принципах, диктуемых ей рабочим классом». Макаренко пишет контртезисы на каждое замечание, в том числе: «Никогда и нигде рабочий класс о наших соцвосовских принципах не высказывался». Понимаете, это было смело. В комиссии был А.И. Попов, директор НИИ. В ряде писем Макаренко вполне позитивно отзывается о нём. Попов пригласил его в институт, честно сказал ему, что они не знают, что написать в резолюции по контртезисам. Он предложил ему работу в институте, взамен пообещав защиту колонии имени Горького. Кстати, Попов дважды сидел по году-два за создание националистических антисоветских организаций на Украине, так что у майдана глубокие корни. А когда пришли фашисты, он стал одним из видных деятелей образования. В последний год оккупации, в 1943 году, возглавил автокефальную православную церковь. Эмигрировал вместе с отступающими фашистами.

– С Украиной всё сложно. Лет пятнадцать назад был в Полтаве. Все они были яркими противниками и Макаренко, и его системы как тоталитарной. В остальном они были лучше нас, только две вещи непонятны: стремление детей отправить за границу и нелюбовь к Макаренко...

– На то есть причины. Хочу вам сказать, что с 1924 года на Украине было введено преподавание на украинском языке. А Макаренко был противником преподавания на украинском языке. В одном из писем Горькому он извиняется перед

Горьким – хлопцы пишут вам «шершавым языком», но это плод обучения на «родном языке». В другом письме он пишет: «Режет нас украинизация, хлопцы городские, все говорят по-русски, читают русские книги, а учатся на «родном языке». Поэтому говорить о том, чтобы к Макаренко сейчас относились с пиитетом, просто не приходится. И понятно, почему. Любопытно, что в некоторых анкетах в графе «национальность» он пишет – русский, а в других – украинец. Причём на Украине он пишет, что русский, а в России – украинец. Конфликт у Макаренко был и с украинским комсомолом. Ребята в ЦК УКСМ были рьяные, они критиковали даже РКСМ, полагая, что слишком много РКСМ заимствует из скаутизма, а надо разрушить здание скаутизма до основания. Одной из причин напряжённых отношений Макаренко с комсомолом Украины были разные взгляды на деятельность пионерской организации, созданной в колонии. По положению о пионерских организациях, пионеры должны были революционизировать и школу, и детский дом. Конечно, Макаренко этого допустить не мог, он считал, что пионерская и комсомольская организации должны встраиваться в систему самоуправления, которая уже была сложена.

– Понимаете, в чём гениальность его системы – она абсолютно рациональна, это не производная от идеологии. Процесс воспитания происходил естественным образом и на каждом этапе – добывать хлеб насущный, не красть у товарищей, понимать, что это не твоё, не моё, но наше.

– По прошествии времени, возможно, она и должна так восприниматься. Не случайно его опыт изучается и внедряется в западных и восточных производственных корпорациях. Хочется поблагодарить вашу газету за то, что накануне 1 сентября вы проявили интерес к личности Антона Семёновича Макаренко. Он говорил об уважении «к вчерашнему дню», был примером этого уважения. И наш разговор – это прежде всего возможность осмысления опыта наших предшественников.

Выражаю слова искренней признательности за оказание помощи в издании книги «Пионерская организация в Приенисейской Сибири в 20-е годы XX века» депутатам Законодательного Собрания края *Исаеву В.А.* и *Мельниченко Б.В.*

Беседовал
Юрий ЧИГИШЕВ.